

4100 K

678

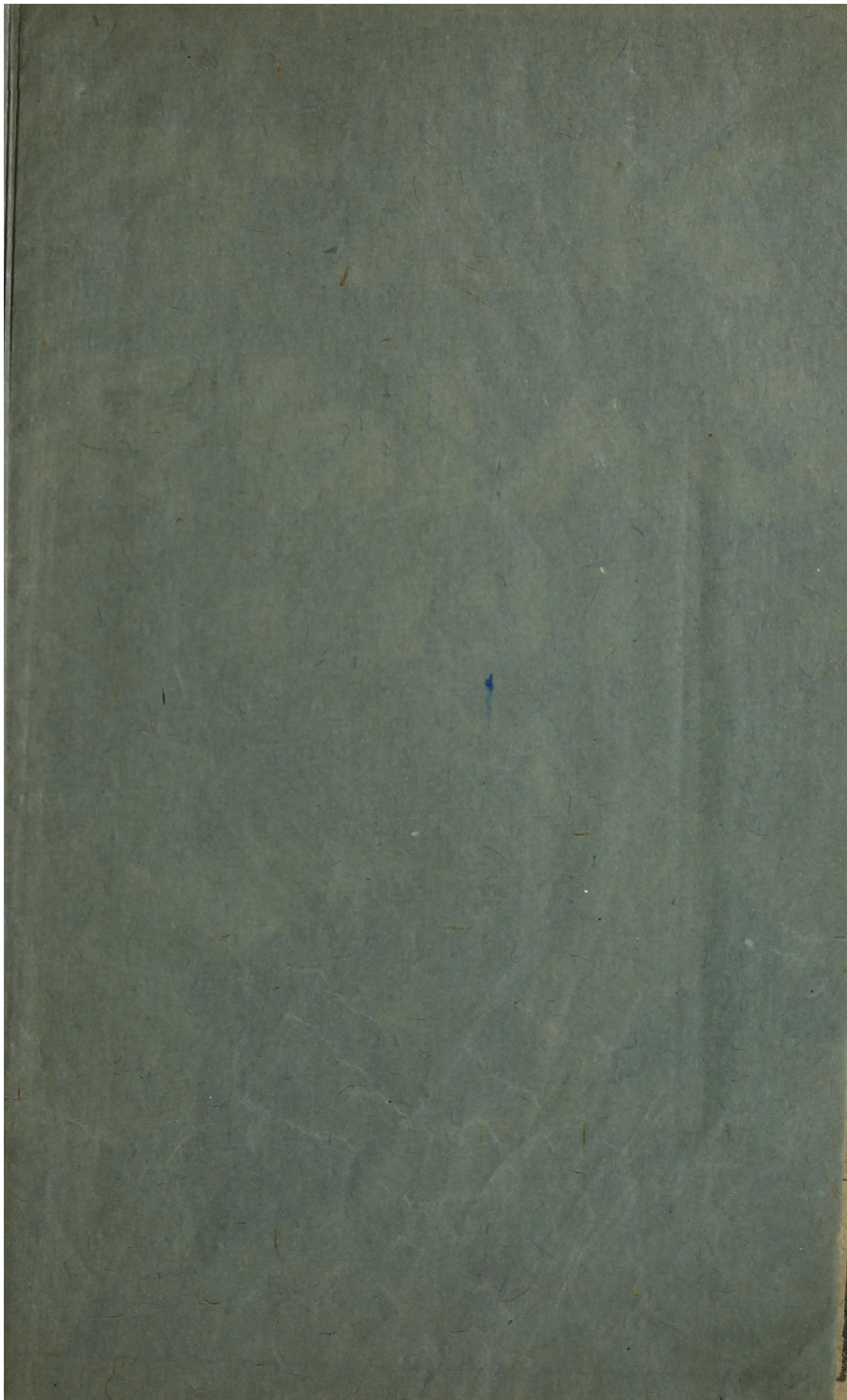
КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

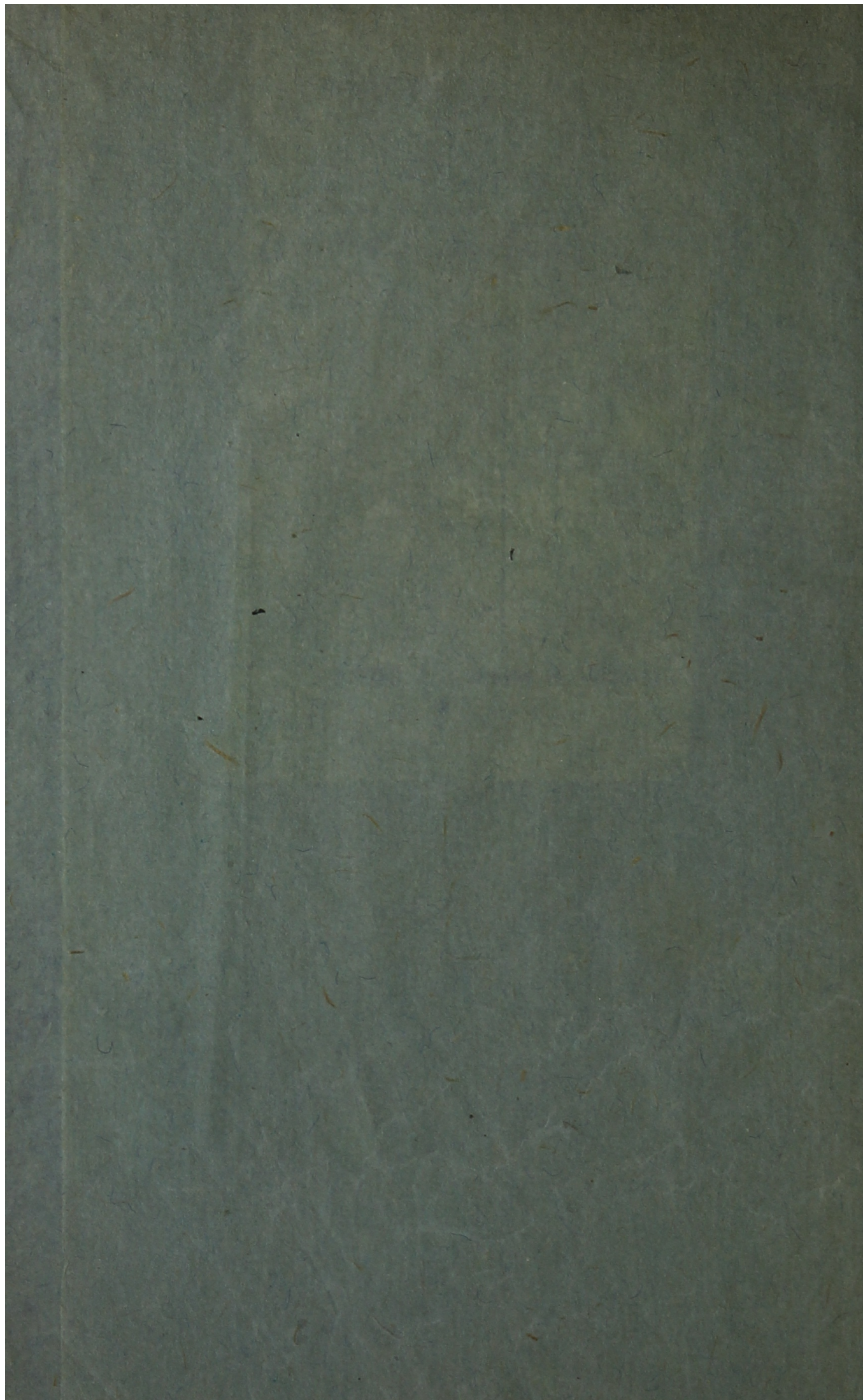
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

16.09.02. Дряболова

В ТМБ Т. 3.000.000 З. 1653-91

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТАК БЫЛО в 1915 г.

Магнитогорская обл. Ишим. Б. 10

Отдел Красной

10/10
10/10

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ ГУБКОМ Р. К. П.

~~9(47)~~
~~Т-15~~

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

✓ ~~15/19~~

ТАК БЫЛО

В 1915 г.

(расстрел Иваново-Вознесенских рабочих
двадцать третьего августа 1915 года)

№ 4100 к

Книгоиздательское Т-во "ОСНОВА"
в количестве 10.000 экз.
Лудинт № 223. г. Иваново-Вознесенск

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ОТДЕЛ КРАЕВОЙ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО

ОСНОВА

1923

04

-- 2010

Так было в 1915 году.

В этой маленькой книжице читатель найдет в сжатом виде материал по поводу расстрела Иваново-Вознесенских рабочих и работниц в 1915 году.

Весь этот материал составлен по документальным данным, сохранившимся со времен старого кровавого режима.

Конечно жандармы, сыщики, полицейские, прокуроры, следователи и все прочие слуги старого режима вели свои документальные записи так, чтобы оправдать убийц, и покараить жертвы. И не даром те четыре следственных тома документов, которые остались в нашем распоряжении носят название:

«Дело о нападении толпы рабочих на воинскую заставу».

Такова жандармовская природа. Дело расстрела безоружных рабочих и работниц, они не моргнув глазом превратили в «дело о нападении толпы рабочих на воинскую заставу».

Но не в этом главная суть. Жандарм сам по себе при всей своей подлости все же являлся лишь пешкой в руках высших властей. И все те «дела», которые имели вид следственных и судебных протоколов, и те настоя-

лем и несокрушим. Казалось, не по такой силе
 которая могла бы уничтожить его. Тот баян
 - баян Хозяев и положения, баян и правящие
 классы. Безраздельно властвуя, им казалось,
 что их власти не будет конца. Уверенные в
 своем кровавом могуществе, они шли от пре-
 ступления к преступлению, от одной кучи
 трупов к другой. шли порожествующей по-
 ходкой победителей.

И это было так не только 10-23 авгу-
 ста 1923 года в Иваново-Вознесенске. Это
 было и на Лене, это было и в 1905 году, это
 было и в Петербурге 9-го января, это было
 во всех городах, во всех деревнях из месяца
 в месяц, из года в год на протяжении сотен
 лет.

Так это было!

А царский министр Макаров в свое вре-
 мя с трибуны Государственной Думы даже
 сказал: «так было и так будет»...

И он не совсем думал солгал, это не ста-
 рый царский пес. Так оно и было бы, если бы
 существовал старый самодержавно-капита-
 листический режим. Так оно и было бы, если
 бы рабочие и крестьяне не создали свою власть
 Но неисповедимы только дела и пути по-
 повских богов, дела и пути рабочего движе-
 ния вполне исповедимы и понятны. Рабочее
 революционное движение создавалось и выра-
 стало именно из той тяжелой обстановки,

в которой находился рабочий класс. А обстановка того времени всем нам еще памятна.

То было время, когда российский капитализм ввязался в войну из-за международных рынков. Ввязался и загруз.

В 1915 году уже ясно обозначалось поражение правящей России. В это время уже начали проясняться умы рабочих от того военного угара, которым отправляли их продажные соглашатели. С каждым днем становилось ясней, для чего началась война.

И тут же необходимо сказать, что этому прояснению сознания трудящихся во многом способствовали сами правящие классы.

Безудержный рост дороговизны, отсутствие предметов широкого потребления, откровенная спекуляция, обогащавшая всяческих инпендантских поставщиков—фабрикантов,—все это наряду с страшным политическим гнетом и обнищанием широких рабочих масс проясняло сознание рабочих.

Крепли, увеличивались барыши Коноваловых, Третьяковых, Бурьлиных, Гарелиных... крепла их пугая мощна, и в то же время крепло, увеличивалось революционное движение „пролетариата“.

Стачечное движение иваново-вознесенских рабочих 1915 года служило тому доказательством.

В мае 1915 года в Иваново началась экономическая забастовка, которая в большей своей части была проведена успешно. Фабриканты

пошли на уступки. Что стоило им в то время бросить рабочим несколько костей с своего стола? Ведь, они в связи с войной богатели как никогда! И они смилоспились.

Удачная майская забастовка показала рабочим, что солидарное, организованное выступление может подействовать на хозяев. Это окрылило их. Это помогло им лучше организоваться. И когда в августе того-же года их положение снова начало ухудшаться, они противопоставили силе фабрикантов и правительства свою уже более организованную силу.

Тогда в Иваново-Вознесенском районе действовала активно-подпольная организация большевиков, которые в то время еще назывались социал-демократами. Большевики организовывали массы рабочих. Уже в то время рабочие считали их своими вождями. И когда к августу месяцу начало назревать новое движение рабочих, большевики его возглавляли. В силу этого движения получило политическую окраску. Одним из главных лозунгов августовской забастовки был лозунг: «долой империалистическую войну».

Так протекали события в Иваново-Вознесенске. Нечего говорить, что местные власти знали о подготовляющейся забастовке. Их шпионский аппарат знал многих руководителей этого движения. И сознавая опасность, которая им угрожала, они решили действовать.

Теперь, разбираясь в архивных документах, делается совершенно ясно, что кровопускание ивановским рабочим было устроено вполне сознательно по заранее подготовленному плану. И правительство и фабриканты сошлись на том, что «у рабочих narосла шкура». Эту «шкуру» они и решили с рабочих спустить.

В результате около ста человек убитых и раненых. Так это было!

Восемь лет прошло с тех пор. Восемь лет борьбы и жертв. Восемь лет, за время которых выросло и подросло молодое поколение. Сотни тысяч детей не имеют никакого представления о бывших хозяевах нашей прежней жизни.

— А что такое полицмейстер, а что такое жандарм, — спрашивают они. У взрослого поколения.

Да и само взрослое поколение тоже уж спало забывать то, что было в 1915 году. И это понятно. Люди хотя бы забыли то кошмарное время, когда они были на положении рабов.

И наша цель заключается не в том, чтобы привязывать их к кошмарным воспоминаниям, наша цель не в том, чтобы беречь старые раны — нет. Мы хотим только, чтобы пролетарии молодые и старые знали свою собственную историю. Мы хотим, чтобы всегда в сердцах рабочих и работниц из поколения в поколение жила память о тех, кто своей смертью

уготовлял им—живущим победу. Чтобы жила ненависть к тому строю, который теперь от нас так далек.

Это—знание своей истории, светлая память о павших и святая ненависть к старому—помогут нам в нашей дальнейшей, борьбе за то, чтобы то, что было никогда, никогда не вернулось вновь; а то что будет—было бы хорошей, светлой, счастливой жизнью на благо всех трудящихся.

С. Зорин.

В конце июля и первых числах августа 1915 года в Иваново-Вознесенске распространились слухи о готовящемся выступлении рабочих. Называли числа—двадцать первое—двадцать третье августа—когда ткачи объявят забастовку сначала на экономической почве, потом предъявят политические требования и в числе их—прекращение войны. Полицмейстер Авчинников и жандармский ротмистр Лызлов от своих агентов получают сведения, что в пригородных лесах идут рабочие массовки, сходки, конспиративные собрания, где вырабатывается план выступления. Жилили по ночам слышат революционные песни, с которыми рабочие расходятся после собраний.

В городе тревога. Торговцы усиливают ее разговорами, что рабочие к чему то готовятся, так как во время дачек усиленно закупают продовольствие. На базарах, в магазинах, чайных волнение. Купец Куражов жалуется полицмейстеру, что покупатели—рабочие и приезжее крестьянство держатся вызывающе среди торговцев ползет слух о разгроме лавок и магазинов, который будто-бы подготавливают рабочие. Неуловимые агенты говорят в народе против войны. Распуцая дороговизна, исчезновение с рынка крупы и пшена, нехватка соли взвинчивают тревожное настроение в городе.

О забастовке ткачей, как о неизбежном событии, говорят все, везде.

В ночь на 22-е августа в рабочих поселках Ямы, Глинищево, Рылиха разбосаны прокламации Иваново-Возн. Врем. Област. орган, комит. Рос. С.—Д. рабочей партии большевиков. Днем 22 августа полиция и сыщики срывают прокламации с заборов и фабричных стен. Прокламация обращается к рабочим и солдатам.

«Товарищи рабочие и солдаты! Брапоубийственная война все разраспается, да разраспается. Все, что только есть цветущего, здорового и работоспособного принесено уже на алтарь войны в интересах буржуазии. Лютятся слезы вдов, сирот и матерей. Голод, нищета, разорение и произвол царят всюду. Правительству мало тех миллионов регулярных воинов, запасных, перворатников и новобранцев 15 и 16 года, которых погнали в первую очередь и уложили на поле брани. Оно забирает туда на убой и неокрепших еще 18 летних юношей, а за ними погонят ратников второго разряда. На убой отправляют последних работников, кормильцев семей. Но для чего же все это? За что пролило это море народной крови? Ведь война не была нужна ни немецкому, ни русскому рабочему. Он знает лишь одну борьбу — борьбу классовую, лишь одного врага — буржуазию. Так кому же была нужна война?

Буржуазии. Эта война — борьба буржуазии одного государства за господство над другим, за преобладание на мировом рынке. И вот пока миллионы наших товарищей погибают на поле брани за дело буржуазии сотни тысяч хорошо обмундированной и откормленной полиции и жандармерии, упитанной кровью и потом народа, споят на спраже интересов той же буржуазии и расправляется с внутренним врагом — сознательным пролетариатом.

Сибирские тундры и шурьмы переполнены. Туда загнали представителей народа, туда все еще тянутся, гремя кандалами, бесконечные вереницы наших товарищей. В эту трудную минуту перед нами возникает вопрос: так что же нам делать?

Послушаться ли призыву правительства, позабыть партийную рознь и пойти на брапоубийственную войну верными слугами царизма?

Нет, товарищи!

С правительством не может быть никакого примирения. Мы до конца останемся его врагами.

Подчиняясь силе, нам придется взять в руки оружие и направить против своих иностранных поварищей по несчастью. Но будем же помнить тогда, поварищи, что в неприятельских окопах против нас такие же пролетарии, как и мы, насильно взятые и живущие мыслью повернуть оружие в обратную сторону и превратить буржуазную войну в гражданскую. Этою благородною мыслью живет и наш народ. Но нужно эту мысль осуществить на деле. Надо смести всех палачей от царя и министра до урядника, надо на развалинах деспотизма и варварства водрузить знамя свободы, мира и братства народов. И теперь время упускать нельзя. Так будем же помнить об этом, поварищи, уходящие на дикую битву за врагов своих. На фабриках и заводах, в казармах и окопах будем напоминать об этом другим поварищам, будем сплочаться в нелегальные организации вокруг красного знамени социал-демократии. И когда революционная волна охватит Россию, не поднимем по приказу правительств оружия на поварищей своих. Будем прислушиваться к голосу социал-демократии и при первом удобном случае против нашего настоящего врага — правительств — превратим эту бравоубийственную резню в гражданскую войну, в Революцию.

Рабочие и солдаты! Преступление упускать время. В наших руках лучшая жизнь, свобода и право. Чем помирать за врагов своих, помрем на баррикадах за постоянный мир, за свободу!»

В этот день 22-го августа ночью, жандармерия произвела многочисленные обыски и аресты. В полицейскую тюрьму на улице Кокуй посажено было до девятнадцати человек.

21 августа местный полицмейстер по телефону говорил с Владимирским губернатором, которому доложил о беспокойном настроении рабочих, на всякий случай просил в подкрепление казакам 60 конных стражников и разрешения, если потребуются, прибе-

гнущъ к помощи расквартированного в городе 199 пех. запасного батальона.

Губернатор обещал прислать конницу и разрешил использовать батальон при выступлении рабочих.

22 августа по городу было расклеено следующее объявление Владимирского губернатора:

«По дошедшим до меня сведениям, на некоторых фабриках города Иваново-Вознесенска происходит брожение рабочих, грозящее вылиться в забастовку. Признавая, что в настоящее тяжелое для родины время, когда каждый час бездействия фабрик отягощает и без того трудное положение наших братьев — воинов, всякое прекращение работ наносит непоправимый вред России и доблестной армии и служит только лишь на пользу нашим врагам, — предлагаю широко оповестить рабочих и все население города Иваново-Вознесенска, что мною будут приняты самые энергичные меры к недопущению беспорядков. Пусть всякий знает, что в подавлении беспорядков я не останавлиюсь принять самые крайние и решительные меры, но при этом выражаю твердую уверенность что рабочие и все жители гор. Иваново-Вознесенска, проникшись важным настоящим моментом, сами поймут весь вред и не допустят никаких забастовок».

В этот же день в местной газете «Ивановский Листок» (№ 170) полицмейстер объявил:

«Предлагаю г.г. исполнительным чиновникам возможно шире оповестить населению объявление г. управляющего губернией и со своей стороны предписываю опнудь не допускать как в черте города, так и вне его никаких сборищ и собраний, а равно и проявления насилия над кем бы то ни было и принимать решительные меры к пресечению таковых в самом корне».

Город насторожился, предчувствуя большие события. Город в тревоге ожидал следующего дня.

С утра—23 августа по городу были расставлены воинские патрули под командой офицеров, были выставлены самые надежные, — не из ивановцев и не из маршевых рот, — солдаты, так называемый постоянный состав батальона, кадровые учителя маршевых пополнений и учебная команда батальона. К фабрикам были двинуты казачьи разъезды, на улицах и площадях усиленные наряды наружной полиции и пикеты полицейских надзирателей.

Полицейстер в 10 часов утра получил сведения, что рабочие Грязновской фабрики прекращают работы, намереваются выйти на улицу, итти снимать рабочих других фабрик.

Отдав распоряжения о недопущении мятежников в самые крупные фабрики И. Гарелина и Куваевскую, полицейстер лично выехал на место происшествия и убедился немедленно, что рабочие не испугались губернаторского объявления, войск и полиции. Рабочие останавливали машины, взламывали тяжелые замки, которыми фабричная администрация заперла фабричные ворота и шли на улицу сначала небольшими толпами по сто—двести человек, потом тысячами. Грязновские рабочие вышли первыми, прошли к фабрике Ник. Гарелина, которая бросила работу, к ним присоединилась Полушинская фабрика, потом Бурьлинская, Дербеневская, И. Гарелина, Компания, Зубкова, Гандурина, Ямановских и к 3 часам дня тысячные массы рабочих со всех остальных фабрик тянулись к площади Городской Управы.

По распоряжению полицейстера и по указанию добровольцев-сыщиков из администрации во дворах некоторых фабрик полиция пыталась арестовывать и успела захватить троих зачинщиков и подстрекателей. Такая же попытка сделана была на Маракушевской фабрике. Но, как показывал впоследствии полицейстер следователю, маракушевские рабочие дали отпор. С криками «ляжем костями, а не дадим товарищей в обиду!» — они не допустили арестов.

К четырем часам дня на площади Городской Управы собрались многотысячные массы, которые пронулись через Нижний базар по Часовенной улице к полю за кладбищем, где начался громадный митинг.

На митинге выступали сразу несколько ораторов мужчин и женщин, которые сообщили рабочим, что минувшей ночью жандармерия с полицией выхватили и посадили в тюрьму многих поварищей. Ораторы призывали предъявить властям требования об освобождении арестованных. После обсуждения экономического положения рабочих, которые жестоко страдали от распухшей дороговизны, рабочие постановили предъявить полицмейстеру требование об освобождении арестованных и пронулись обратно, тем же путем, к Городской Управе.

В семь часов вечера площадь перед Управой была запружена многотысячной толпой. Над морем голов возвышались в разных местах фигуры ораторов, которые говорили, поддерживаемые рабочими на плечах. Войска, казаки и полиция стояли наготове.

Был вызван полицмейстер из Управы. Ему рабочие предъявили свое требование об отпуске арестованных накануне. Полицейстер ответил, что арестованные задержаны потому, что у них при обыске найдены противоправительственные прокламации. На требование рабочих ответил отказом и ушел снова в Управу, из окна которой наблюдал площадь. Рабочие закричали:

— Пойдем освобождаем!

Ораторы — четыре мужчины и две женщины — обратились к солдатам, увещая их не обращать оружия против рабочих, которые борются за интересы всего трудового народа. Ораторы-женщины говорили, что солдаты оставили дома своих жен, матерей, малых детей, которые также, как и ивановские ткачи и ткачихи с малыми ребятами, голодают от фабрикантов и войны, которая разоряет страну, вырывает миллионами убитых из русских трудовых семей.

— Долой войну! — восклицали рабочие.
 — Неужели вы будете стрелять в нас? — со слезами восклицали женщины.

В это время к ораторам присоединился только что выпущенный из тюрьмы рабочий Зиновьев. Его страстная, речь сильно подействовала на рабочих. Они снова вызвали полицмейстера и потребовали опустить остальных арестованных. Полицмейстер вновь отказал. Тогда с возгласами — «пойдем к тюрьме» во главе с Зиновьевым рабочие двинулись от Управы по направлению к Приказному мосту, по дороге к тюрьме.

Напротив Приказного моста — через мостовую — в занимаемом сейчас Уголовным Управлением двухэтажном красном кирпича доме были номера Дунюшкина. Во дворе номеров рано утром в этот день был поставлен взвод солдат численностью 51 чел., под командой прапорщика Носкова. Взводу было боевое задание: охранять от неприятеля улицы Покровскую, Соковскую и Кокуй, на которой тюрьма. Командир выслаал со двора по этим улицам сменные дозоры. Резерв солдат, стоя под ружьем в засаде, ел щи, кашу, пил чай с кухни Дунюшкина. Командир взвода запретил эти мирные занятия, когда площадь забушевала и неприятель осаждал полицмейстера в управе.

Когда же рабочие пронулись к Приказному мосту, прапорщик Носков командовал взводу в ружье, вывел солдат из засады и построил фронтом к мосту и наступающему врагу. Рабочие шли, анализируя свои мирные чувства к солдатам белыми платками, которыми, — как и полагается переговаривающимся с войском — навязали на прости и махали платками, высоко подняв руки над головами. Прапорщик командовал на изготовку, блеснули штыки и ружейные дула направились в толпу.

Рабочих это движение не испугало, сколько изумило. Номера Дунюшкина, около которых стоял взвод, рабочие не думали штурмовать. Но чтобы

выяснить настроение солдат, рабочие пошли не вправо, — на улицу Кокуй, где тюрьма, — а прямо на номера Дунюшкина, в десяти шагах от которых прапорщик расположил взвод.

— Братцы, неужели вы хотите стрелять? — кричали рабочие. — Женщины, идите вперед! Вас не пронут, а нас — видно — боятся...

Ткачихи выдвинулись вперед, толпа заколыхалась, производя перемещение, а Зиновьев начал уговаривать солдат. Прапорщик, очевидно, считал это за начало боевых действий и подал первый свисток к огню.

Разрывая на себе кофточки, пиджаки, рубашки, передние ряды ткачей и ткачих обнажили груди с криками:

— На-те, стреляйте, если хотите стрелять.

— Они не будут в нас стрелять, не бойтесь, — кричали другие.

— Пойдемте вместе с нами освобождать братьев, — кричали третьи.

— Давайте ваши ружья! — кричали сзади.

Прапорщик, видя, что толпа не робеет, подал второй свисток и крикнул передним, что ружья заряжены боевыми патронами и чтобы рабочие не напирала на солдат. Но было поздно: передних подталкивали задние, которые уверенно кричали:

— Не бойтесь, не будут стрелять.

Рабочие так близко подошли ко взводу, что левый фланг солдат попятился. Прапорщик Носков решил действовать.

Третий свисток, команда:

— Взвод, пли!

Первый залп смял передних и в их числе Зиновьев а

— Не бойтесь, холостыми стреляют! — кричали задние, думая, что передние упали с испуга.

Так велика была уверенность рабочих, что их не расстреливают, и белые платки пшитами полетели в воздухе.

— Взвод, пли!

Второй залп и еще жертвы.

— Взвод пла!

Третий залп.

Тогда рабочие по спонам раненых и падающим соседям поняли, что прапорщик Носков действует как на войне.

Тысячные массы в ужасе побежали назад к мосту, вправо к тюрьме, влево к собору. Мужчины, женщины, дети с моста прыгали вниз, прятались за тумбочки, за телефонные столбы, прижимались к соседним домам, прыгали через заборы. В этот момент битву решили казаки. От Городской Управы и от здания тюрьмы они с конями врезались в расстроенные ряды неприятеля, плетями сбивая с ног бегущих. Полиция и свщники принялись хватать пленных.

Перед глазами растерянных солдат лежали двадцать убитых наповал и пятьдесят три тяжело раненых.

Одетые в потертые бумажного трика пиджаки, ситцевые рубашки, в калишках, в сшоптаных щелетках, в малескиновых штанах, в заплапанных юбках, вылинявших кофточках, убитые и раненые иваново-вознесенские ткачи и ткачихи своею кровью омывли мост, который сейчас называется Красным.

Велики ли были потери со стороны войск?

Прапорщик Носков об этом в своем рапорте писал так:

«Во время произведенного полпой нападения на воинскую часть раненых и ушибленных не было, кроме камня, который упал в трех шагах от меня и подкапился к моему сапогу».

Чем были вооружены неприятельские войска?

В карманах убитых и раненых полиция обнаружила двадцать три перочинных ножа с крошками и следами ржаного хлеба на лезвиях.

В девять часов вечера 23-го (10-го) августа пожарная команда пожарными рукавами сбывала лужи крови, следы окровавленных мозгов и вывалившихся кишок на мостовой напротив Красного моста. Стрельба была в упор и кровь текла ручьями.

Телеги везли Кокуем, к Земской больнице трупы убитых. Раненых отправили в больницу чернорабочих. В эту ночь толпы рабочих жен и мужей осаждали больницы, отыскивая близких, которые домой не возвращались. По распоряжению полицмейстера опознание убитых опложено было на следующий день.

Через двое суток, в три часа темной августовской ночи, при усиленных полицейских и казачьих нарядах в общей могиле хоронили убитых ткачей и ткачих. Похороны были спешные и секретные, посторонних не допускали, полиция боялась демонстраций со стороны возмущенных рабочих, которые продолжали бастовать в знак протеста против зверского и бессмысленного расстрела.

А еще через день занялись ранеными. Прокурор Владимирского Окружного Суда дал следующее предписание следователю по особо важным делам.

«10-го (по нашему стилю 23-го) августа сего года в г. Иваново-Вознесенске толпа рабочих, намереваясь насильственно освободить из под стражи содержащихся в полицейской арестанской, напала на высланную для охраны этой арестанской воинскую часть, причем своими насильственными действиями вынудила прибегнуть к помощи оружия, в результате чего были убитые и раненые».

Прокурор предложил следователю выяснить виновных и привлечь их к законной ответственности.

Судебный следователь разыскал виновных среди раненых и всех их предал военному суду, по распоряжению Владимирского губернатора.

А полицмейстер, а жандармский ротмистр Абызов, а полицейские надзиратели, а прапорщик Носков, а торговцы, а управляющие фабриками, а сыщики были

даны показания на основании свидетельств «дела о вооруженном нападении рабочих на воинскую часть в городе Иваново-Вознесенске в мае 1918 года». Четыре письма этого дела на тысячу с лишком листов хранятся в Бюро Испарта Ив-Возн. Бюро Р. К. П.

Свидетель-полицейский А. В. Иванов подтвердил следователю, что рабочие на площади Городской Улицы в своем поведении явно угрожали общественной безопасности, жалуясь на пропажу с рынка крупы, пшеницы и соли и добиваясь освобождения арестованных. Жандармский ротмистр А. В. Иванов атаку вооруженных перочинными ножами рабочих на беззащитных солдат объяснил следователю так:

«Майская минувшая забастовка привела рабочих к мысли о безнаказанности выступлений, так как никакие репрессии в мае месяце не применялись. Рабочие тогда вели себя дерзко, снимали присаху с работ, оставаясь в одиночку в фашонах».

Майская забастовка была экономической, рабочие выбастовали прибавку на распушную дороговизну и добились нормировки продуктовых цен, которые не упомянуто взвинчивали местные торговцы. В августе рабочие уже дали себе смысл и причину войны. Иваново-Вознесенск одним из первых фабричных городов вступил в массовый азвунг «Алой войны». В результате действия полиции и свидетели стремились доказать, что рабочие произвели на солдат вооруженное нападение. Для этого, кроме перочинных ножей, были найдены в районе распреда все предметы, которые могли служить за оружие. И к делу приобщены одиннадцать обломков кирпичей и тринадцать черных камней булыжника, который случайно оказался у забора позади взвода солдат. Если припомнить, что в то время в районе (около) уличной части солдатского подразделения перочинных ножей и перочинных камней было много, то можно было бы предположить, что камни булыжника могли послужить в

качестве гирь-улик на чашу обвинения в следственных весах. В постановлении о привлечении к суду раненых следователь доказывает, что «раненые уже самым фактом своего присутствия в толпе и ранениями своими бесспорно свидетельствуют об участии в нападении».

В целях обнаружения большого числа виновников расстрела следователь предложил полиции установить особый негласный надзор за ранеными и родственниками раненых и убитых.

В то время, как на дворе Земской больницы опознающие убитых родственники с плачем проклинали убийц, в это время охранники зорко следили за осиротевшими женами и за мужьями, которые потеряли мать своих детей.

Лакеи фабрикантов — управляющие фабриками, лакеи правительства — чиновники и служащие, торговцы и домовладельцы, вызванные в качестве свидетелей согласным хором свидетельствовали, что виноваты не ружья солдат, а озорство рабочих.

Многие из свидетелей выражали готовность узнать того или иного орапора при очной ставке и указать подстрекателей рабочего бунта.

Полицейский арестный дом — при ходе следствия — не мог вместить всех арестованных, число которых ежедневно росло. Арестованных отправляли пачками в шуйскую тюрьму и владимирскую каторжную тюрьму.

Военное начальство командировало для расследования генерала для поручений при командующем войсками московского округа. Генерал нашел что прапорщик Носков, стрелял боевыми залпами в рабочую толпу, верно служил за веру, царя и отечество, ибо рабочие, явно, были немецкими агентами, требуя окончания войны.

Так было 23-го (10-го) августа 1915 года, когда десятки тысяч ивановских рабочих вышли с фабрик за хлебом, миром, свободой. И получили свинец в грудь, плечи, тюрьму и военный суд.

Ивановская Обл. Научн. Библиот.

Отдел Краевой

